

МАРТА

КЕТРО

БРОДЯЧАЯ ЖЕНЩИНА

важнее всего не куда, а почему ты бежишь



Марта Кетро

Бродячая женщина (сборник)

«АСТ»

2014

Кетро М.

Бродячая женщина (сборник) / М. Кетро — «АСТ», 2014

Книга о путешествиях в самом широком смысле слова – от поездок по миру до трипов внутри себя и странствий во времени. Когда ты в пути, имеет смысл знать: ты едешь, потому что хочешь оказаться в другом месте, или сбежать откудато, или у тебя просто нет дома. Но можно и не сосредоточиваться на этой интересной, но бесполезной информации, потому что главное тут – не вы. Главное – двигаться. Движение даёт массу бонусов. За плавающих и путешествующих все молятся, у них нет пищевых ограничений во время поста, и путники не обязаны быть адекватными окружающей действительности – они же не местные. Вы идёте и глазете, а беспокоится пусть окружающий мир: оставшиеся дома, преследователи и те, кто хочет вам понравиться, чтобы получить ваши деньги. Волнующая безответственность будет длиться ровно столько, сколько вы способны идти и пока не опустеет кредитка. Сразу после этого вы окажетесь в худшем положении, чем любой сверстник, сидевший на одном месте: он все эти годы копил ресурсы, а вы только тратили. В таком случае можно просто вернуться домой, и по странной несправедливости вам обрадуются больше, чем тому, кто ежедневно приходил с работы. Но это, конечно, если у вас был дом.

© Кетро М., 2014

© АСТ, 2014

Содержание

В поисках белых цветов	6
О целях	6
Весна 2011	8
Осень 2011	11
Весна 2012	19
0 марта	21
1ок-ое марта	22
Ночное марта	23
Бесконечное марта	24
Запах мацы и кулича	25
Последнее марта	26
Лепестки россыпью	28
Москва – Тель-Авив – Иерусалим	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Марта Кетро

Бродячая женщина (сборник)

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

В поисках белых цветов

Повесть

«Я бежал, потому что надо было бежать».

О целях

Цели у меня бывали разные, но, в общем, всё развивается примерно так: Я Вдруг Понимаю. Всякий раз что-то новое, но укладываемое в схему «счастье – это...».

Как Тель-Авив – это вечерний Кинг Джордж, покрытый кувшинками прудик на площади Бялик и самый край деревянного настила, идущего вдоль северной стоянки яхт. Раз за разом я прилетала одним и тем же рейсом, проходила забавный в своей серьёзности пограничный контроль, ловила такси и ехала в город; преодолевала языковой барьер с очередным квартирным хозяином, мельком осматривала новый дом, бросала вещи, надевала на голое тело простенькое платишко моего любимого Лорена Видаля и убегала. Меняла деньги и пополняла телефонную карту в определенной лавочке на Алленби, а потом, покрутившись на рыночной площади, шла, наконец, поглядеть на кувшинки и старую мэрию. А потом сразу к морю, обогнуть яхты, пройти по узкому качающемуся языку до самого конца. Там стоит чёрный полицейский катер, на него лезть не надо, а нужно лечь на доски и смотреть на море и на огни. Вот это и будет Тель-Авив, и он уже состоялся, что бы там ни происходило в течение следующего месяца, хоть ракетные обстрелы или другие какие страсти.

Итак, возвращаясь к целеполаганию: однажды я вдруг понимаю, что счастье – это сидеть у моря с ноутбуком и работать. На волнорезе у пляжа Буграшов есть одно место, куда добивает открытый вайфай 908, следовательно, там и должно происходить счастье. Разумеется, в ноябре или марте, потому что эти месяцы в Москве невыносимы.

Итак, я вижу цель, знаю место и время, и что может быть проще? Заработать кучу денег, снять квартиру и порешать организационные вопросы, чтобы освободить месяц жизни. Потом прилететь, проделать вышеописанный ритуал и приземлиться уже окончательно. Отоспаться.

И наступает день, когда я надеваю очередное правильное платье, беру воду, флисовое одеялко и отправляюсь делать счастье. Сажусь на единственно возможное место, открываю ноут и понимаю, что работать тут совершенно невозможно, – солнце зверское, экран чёрен даже на максимальной яркости.

Закрываю ноутбук. Я добилась своей цели, – но есть нюансы.

И всё у меня так.

* * *

В этом году у меня были четыре весны – в Европе, на Северном Кавказе, в Тель-Авиве и московская. Но вторую я не успела толком осознать, поэтому посчитала три – три моих времени в этом году случились у меня, а могло и больше. Нетрудно устроить свою жизнь так, чтобы видеть белые цветы, когда захочешь, а не когда положено по родному календарю. Просто мало кто на этом сосредоточивается, обычно человеческие цели лежат чуть в стороне – в области любви и дела. Но когда путешествуешь в поисках белых цветов, всё обычно как-то само устраивается. Люди не в состоянии спокойно смотреть на Паганеля, выслеживающего во-о-он ту бабочку: пока он подкрадывается, его успевают похитить, продать в рабство, выкупить и

возместить моральный ущерб – а он тем временем наконец-то приближается к цели настолько, чтобы понять, что это не бабочка, а цветок. И его весёлое изумление будет тем единственным переживанием, о котором он захочет рассказать в конце путешествия.

Я теперь знаю, чем отличается наша весна от всех прочих, и это стоит записать.

В Тель-Авиве она ощущается как изменение погоды от нормальной к хорошей. Очень красиво, душисто и страстно, но пафоса в этом не больше, чем в ежеквартальной премии. Иное дело в России. У нас, понимаете ли, никто не уверен, что весна действительно наступит. Вроде бы накоплены некоторые эмпирические материалы, позволяющие нам надеяться, но веры – веры нет. Никому не гарантировано дожитие до тёплой земли, клейкой зелени и цветущих вишен. В Европе, там всё очень нежно, но они точно знают. Мы – нет. Мы скорей знаем обратное, всю зиму вынашивая в груди кусочек ледяной безнадёжности. С нею прекрасно можно жить, праздновать мартовские вьюги, играть в апрельские снежки и вообще быть позитивным, – но она есть. И потом каждый раз, всегда внезапно, ты выходишь со своим маленьким холодным бременем на улицу, смирный и в целом довольный, и ловишь ветер, запахи и цвета, и лёд в тебе взрывается, режет острыми краями, высвобождает тоску, которая, оказывается, была внутри, а ты и не догадывался, что её столько. И тут-то весна.

Весна 2011

Письма из центра мира

Я уезжала совершенно неподготовленная к иерусалимскому синдрому, который, с моей точки зрения, выглядел так: турист внезапно одевается в белое и переживает особую связь с Иисусом. А я не взяла с собой ничего белого и несколько тревожилась. Но, подумала я, они там наверняка знают толк в извращениях и должны на каждом углу продавать тоги не дороже десяти шекелей.

Если вы обеспокоились, спешу сообщить, что jet-синдром в моем исполнении несколько отличился от традиционного: в какой-то момент я с невыносимой остротой, как мы это любим говорить, ощутила, что со мной-то всё в порядке и с этим городом тоже, но вот московская публика непоправимо рехнулась. Верьте мне, по почте приходили странные письма, очень странные. Перед отъездом я отметила начало весеннего обострения у моих корреспондентов, но то были и без того записные психи, а тут вдруг оживились априорно нормальные и юридически вменяемые, которые как бы даже и по делу, но отчего-то в неуловимо безумной тональности.

«Случайно прочитала вашу переписку в комментариях Живого Журнала о соседях-алкоголиках. Скажите, пож-та, сможем ли мы с вашим участием сделать сюжет на нашем канале о том, как они вам надоели, да и другим мешают жить, спать спокойно, может, кто-то боится даже своих детей отпускать на улицу из-за них?»

«— Напишите, пожалуйста, о детях с ДЦП!

— Прошу прощения, я слишком далека от этой темы, чтобы не быть фальшивой.

— Когда-то мы все были слишком далеки от этой темы... Иногда я подумываю о том, что, может быть, именно поэтому в наших семьях такие дети...»

«— Неоднократно обращалась к вам через МТ! Он говорит, что сложности, пробую обратиться напрямую. Во-первых, с течением времени мы начинаем располагать маленькими, но деньгами и готовы провести предоплату. Во-вторых, я стою насмерть, чтобы текст был авторский, а не маркетингово-утвержденный. С оговорками, но тем не менее. Услышьте меня, пожалуйста.

— Дорогая, ничего не знаю о вас и об МТ, но на всякий случай рада, что у вас есть деньги и твердые принципы. Кто вы оба и чего от меня хотите?!»

«Здравствуйтесь! Мы решили взять у вас интервью. Я – продюсер телеканала N, мой телефон... Не сочтите за труд, свяжитесь со мной срочно».

Понадобилось несколько дней, чтобы понять, что это всего лишь наша типичная московская интонация, порождённая уверенностью в собственной важности и в нахождении себя в центре мира. И мне, понимаете ли, всё это стало отчётливо видно и слышно, потому что в центре мира-то на самом деле нахожусь я.

Вот это, дети, и есть иерусалимский синдром.

Потом я пошла в Старый город, где со мной случилось что положено, описанное в известном анекдоте: «Дорогие мама и папа, пишу вам я, ваш сын Дядя Фёдор, из Шаолиня. Недавно я обрёл просветление и отказался от оценочного восприятия, так что дела у меня никак». С этого момента осталось у меня «только мяу да ыы», как писал Дмитрий Воденников, и потому не надо ко мне приставать с вашими «нукаками» – никак, это было никак.

На следующий день проснувшись в таком райском виде, я поняла, что для меня сейчас существует единственно возможное занятие, а именно поиск мусорного бака. Потому что накопилось, а где в центре мира помойка, знаю ли я? категорически не знаю! И я пошла искать. Мне сказали, они зелёные и примерно вот такие – и показали рукой от пола. И я шла по Кинг Джордж в сторону Яффо, потом повернула к рынку и всё высматривала вот такое и зелёное. Нашла парочку, но на колёсиках, и по их нахальному расположению в центре улицы было понятно, что они там ненадолго. К тому же мимо проехала конная полиция, и я замерла, потрясённая, потому что это же Иерусалим и менты там обязаны быть в худшем случае на верблюдах, если не на драконах, а они, вона, на мохнатых лошадках. Потом ещё встретила реально огромное, зелёное и замусоренное, но заподозрила, что это может быть какая-то их военная техника, например, еврейский танк, а я в него объедками, нехорошо.

В конце концов, пришлось очистить сознание, купить третьи штаны-афгани и пойти по зову сердца, который, конечно, привел моего внутреннего панка к прекрасной помойке в двух поворотах от дома. Правда, при этом я ещё останавливалась на каждом перекрёстке, доставала айпад и тревожно смотрела на карту, потом на небо, выглядывая спутник, а потом снова на карту, чтобы не заблудиться.

Вообще же, это такой город, который переводит все стрелки на ноль, потому что в нём, как нигде, много точек абсолютной правильности. Например, там есть рыбный ресторан, правильный, как продукция Apple, – они подают единственно верную форель. В нужный миг и в нужном месте. Совершенно очевидно, что, если сместить это переживание (потому что форель под миндалем и ананасами, безусловно, переживание) хотя бы на пару минут широты, долготы и времени, будет уже не то. Это касается и эппловских прибулд. Многие напрасно путают их с вау-продуктом, а в действительности мы имеем дело с принципиально иным – с продуктом-опаньки. Продукт-опаньки в произвольные моменты жизни создаёт пользователю внезапное ощущение сатори, которое, как всякий акт просветления, сиюсекундно и нестабильно. Сдвинь продукт-опаньки на те самые пару минут и не сможешь объяснить стороннему наблюдателю, почему ты вообще согласен иметь дело с такой нелепой вещью, как айпад или сладкая рыба.

И тут всё так.

Жизнь тела в Иерусалиме полна загадок. Боль в животе и огонь в позвоночнике там порождают совсем не те вещи, которые порождают их в Москве. Иерусалимские поцелуи окрашены розовым и серым, иерусалимское мороженое никуда не годится, и только их клубника ничем не отличается от нашей. Ешьте же там сладкое немолочное, заповедую я вам, но не ешьте салата с моцареллой, ибо в нем слишком много сухариков и отчего-то свёкла.

Осмотрела также зоопарк и нашла содержание животных удовлетворительным. Осудила, правда, палестинских газелей за недостаточную грациозность. Боюсь, теперь буду так обзывать на неизящных женщин с претензией – тоже мне, газель палестинская.

Относительно людей ничего не могу сказать, потому что попадались всё больше люди-камешки и люди-призраки – первые органичны в своей среде и не нуждаются в ярких определениях, а вторые слишком хороши, как не бывает.

В шабат, например, видела вымерший город, и ветер гнал бумажки по пустым улицам. И вдруг смотрю – открытый бар, и в нем полно круглоголовых негров, многие в шляпах. Это, выходит, плохие чёрные евреи.

Если считать, что Jerusalem мужчина, то пахнет он свежей землёй, и не так, как пахнут могилы, а как садовники. Не знаю, может, вам повезёт, и это будет душечка-садовник из порнофильма, в джинсовом комбинезоне на голое тело и с ляжкой на одном плече, а может быть,

вам достанется старик, перетирающий в артритных пальцах комья земли. Там ещё послышится красный грейпфрут и остаток хьюговской ХУ на самом донышке – с кедром и мятой.

Если же допустить, что Jerusalem женщина, то она, скорее всего, идёт на крепких ногах по своим женским делам вверх по улице, и на ней, конечно, следует немедленно жениться и быть счастливым до конца дней.

Мне же он был только светом, серым и розовым.

Осень 2011

Второе пришествие в Холилэнд

Приоткрывая жалюзи:

– Ой, что это большое и волосатое тут за окном?!

– Это пальма.

– Слава богу. В России это наверняка было бы что-нибудь плохое.

– Почему не в Иерусалиме, тебе же понравилось в прошлый раз? – спросил Дима, когда я сказала, что буду жить в Тель-Авиве.

– Нууу, там безопасней.

Я выбрала первый попавшийся ответ, не говорить же правды, что Jerusalem вынимает из тебя кусок души и замещает собою, а зачем мне еврейский город внутри, это вредит моей национальной самоидентификации, разбирайся потом, «откуда у парня испанская грусть» и зачем я туда рвусь. А это не я рвусь, это он к себе возвращается. По крайней мере, когда автобус ввозил меня в Jerusalem снова, я именно так почувствовала – «я возвращаюсь». Но только в гости, на два дня, а жить там не следует ещё и потому, что в городе (очень стараюсь обойтись без пошлости и не писать с большой буквы) ко мне быстро приходит широко рекомендуемая популярной психологией ясность. Как это они пишут: «определи, чего ты хочешь на самом деле», «пойми, что для тебя действительно важно». Очень быстро я узнаю, чего желает душа моя (и это не ласковое обращение к актуальному мужчине, как обычно), узнаю и успокаиваюсь, и много чего ещё со мной происходит правильного. Да вот только наступившая ясность вредит сиюминутному целеполаганию, мешают, когда приходит пора лететь в Москву и снова быстро и много работать на конкретные результаты, а ты уже смотришь чуть выше и дальше прежних ориентиров. И не то чтобы просветлилась, это вряд ли, но «мне тебя уже не надо», мне этого и того уже не надо, изменился ритм крови, и нужно, оказывается, всё другое, несовместимое с прежней жизнью, разве что платье я бы купила ещё одно такое же, как износила там. Но только где его теперь взять, прошлогодняя летняя коллекция канула глубже, чем в Лету, – вышла из моды и больше не продаётся.

Вдруг получится, и я забуду тебя, Jerusalem, тогда не надо отсушивать мне руку, если можно, пожалуйста, и язык тоже, всё равно такая бесславная бессловесность иногда, что даже по имени невозможно назвать, а только jег, джер.

Строго говоря, в нём действительно нет безопасности, только покой. Кажется, они все там собираются жить вечно тем или иным способом, через того или иного провайдера, или вовсе не думая о технической части вопроса, и потому к жизни у них отношение нежное, но такое, без фанатизма. Возможно, люди с острым страхом смерти там не справляются. Или другой какой-то есть маркёр, из-за которого у одних не получается даже въехать в город, а других jег втягивает и присваивает. Тут важно не делать две вещи: не думать, будто ты *всё понял*, – это у тебя в таком случае иерусалимский синдром, зайчик; и не считать, что ты особенный, если тебе там хорошо/плохо, – это тоже он, синдром. Вообще, попробуй не думать о белом слоне на холмах, позволь ему просто пастись, и всё само как-нибудь определится.

Я только знаю, что теперь существую относительно города, точно как мои котики существуют относительно друг друга – что бы они ни делали, один располагается в пространстве, имея в виду второго, постоянно соблюдая какую-то сложную симметрию тел, ушей, точек обзора, выражений спин. И где бы я ни находилась, я теперь всегда на определённом расстоянии от jег.

Это слегка стесняет.

И уж лучше я поселюсь в Тель-Авиве, в весёлом городе без претензий, суббот и правил.

* * *

Всё тянула с этим текстом, сначала он созрел, сгущался из впечатлений, уплотнялся – и почти уже совсем овеществился, но тут появились суеверные соображения. И он ещё некоторое время стоял в углу, как рыцарские доспехи, мимо которых без интереса проходят туристы, а потом вдруг оказывается, что это не жестянка вовсе, а фамильное привидение.

Призрак оказался настолько мясным, что из него получился большой рассказ и пара колонок, но я всё время знала, что главная история впереди.

Весёлый город Тель-Авив начался для меня в такси, когда я вполуха слушала болтовню водительской рации, рассматривала поблёскивающее вечернее шоссе, пальмы, а сама всё время старалась не хихикать. Потому что тем утром, десятого ноября, в Москве выпал снег, я видела его из окна аэроэкспресса, и по дороге в порт пришлось бормотать заклинание от депрессии: «И ничего, что снег, это не тебе, это им снег, а ты его не увидишь ещё две недели. Там солнце, там вообще плюс двадцать три, вот же написали» – и трогать айпадик, в котором погодное приложение уверенно обещало, что в следующие четырнадцать ноябрьских дней я точно не увижу снега.

Приблизительно с конца сентября моя жизнь обогатилась новым извращением, которое называлось «молиться на погоду». Чем холодней и темней становилось в Москве, тем чаще я смотрела на солнышки и плюсы в прогнозах для Тель-Авива. В Живом Журнале израильтяне тоже отмечали уменьшение светового дня и уныло вопрошали: «Как вы боретесь с осенней депрессией?», заевшиеся южане! Как-как – мы едем к вам.

И вот, понимаете, я уже тут.

Точней, никакого не «уже», всё было долго и причудливо. Сначала в метро на Тверской я увидела труп и нервно настроичила в фэйсбук, пока не подошёл поезд: «Правда же, труп перед поездкой это к удаче? Правда?», и мне великодушно ответили: «Несомненно». Потом был этот неуютный первый снег, на который даже смотреть знобко и слякотно, потом аэропорт, а в нём сразу приветливая девушка из «Эль Аль», которая внезапно меня опознала. До этого момента я всерьёз опасалась, что меня могут не пустить, выставить на мороз, обратно! без малейших причин, просто потому, что не положено северному человеку солнца в ноябре. Но для кого-то, оказывается, существует Марта Кетро, надо же, а ведь я сама в неё не очень верю.

Зато в меня не верят московские пограничники, по их мнению, я не похожа ни на заграничницу, ни на внутренний паспорт. Но, поразмыслив и пошутившись, они меня выпустили.

При всей моей аэрофобии не боюсь ни трансатлантических рейсов, ни полётов с «Эль Аль» – про «Боинги-777» я вычитала, что они никогда не падали, а маниакальное отношение израильтян к безопасности меня успокаивает само по себе. И поэтому я просто прилетела, обрадовалась русскоговорящим пограничникам и поволокла свою ручную кладь к стойке такси. Там меня тоже прекрасно поняли и повезли в город.

Я к тому так подробно, чтобы вы осознали, какие же мы все тут бедные и уязвимые с этой нашей варварской погодой. Серьёзно думаешь, что ты личность и сложная натура, а потом планомерно обрезают тепло и свет – и ты уничтожен; а потом контрабандно дают – и воспаряешь, как счастливый идиот, на ангельских крыльях и в нимбе, съехавшем на ухо.

В таком виде меня привезли в окрестности славной улицы Буграшов, пустили в дом, дали ключи и благословили быть в радости две недели.

Ах, как это – сбросить штаны и ботинки, как это – надеть розовое платье, серый плащ и сандалики, как это – сразу же выйти в раннюю ночь и прямо за углом начать жить: наме-

нять денег, выпить свежего гранатового сока, промчаться с естественной московской скоростью пару кварталов и возвратиться на глазах у изумлённой публики. А чего такого? Это же бешеный зимний заяц внезапно скинул белую шубку и заскакал. А вернулся он, когда осознал, что отправился погулять в ночи, взяв с собой все свои деньги, кредитку, оба паспорта, айпад, айфон, телефон, лейку, запас обезболивающих таблеток, распечатку нескольких документов и бумажку с адресом, чтобы показать «тому, кто меня найдёт», – на случай, если заблудится.

Дома вдумчиво разоружился до разумного минимума (400 шекелей, айфон, один паспорт, половина таблеток и бумажка с адресом – всего лишь!) и снова побежал, чтобы посмотреть на море.

Неловко признать, но у воды он немного поплакал.

Я действительно очень много работала этим летом и об отдыхе задумалась, когда сил совсем не стало. В момент, когда нормальные люди понимают: «Опа, да я перестарался, сейчас помру» и ложатся, я думаю: «Опа, сейчас помру, а раз терять нечего, надо упереться напоследок и ещё немного поработать». И уже на чистейшем героизме за пару месяцев заканчиваю дела, нахожу деньги и всё устраиваю.

Я умею всё устраивать, даже специально подгадала, чтобы оказаться на месте в полнолуние и первым же вечером увидеть, как луна отразится в море.

Только вот на тонком сыром песке сидит уже не очень-то человек, а нервная вздрагивающая тень, перемазанная слезами и гранатовым соком, вытирает лицо рукавом и думает как дятел: «Приехала. Снега не будет. Приехала. Снега нет».

Потом, конечно, беру себя в руки и отправляюсь покупать мятный чай, воду без газа и крем, который глупо было тащить сюда из Москвы; ужинаю грибным кишем в кафе с полукошкой на салфетке – с лучшей её половиной, с головой и передними лапками, но совершенно без зада; а потом засыпаю в прохладной постели у окна.

Вот только утром просыпаюсь дважды и оба раза от внутреннего вопля. Сначала – «снег!», и приходится встать, раздвинуть жалюзи и убедиться, что за ними зелено; а потом – «опаздываю!», и тут я, наоборот, удерживаю себя в постели ещё час и уговариваю, что никто никуда не бежит, все приехали, всё, всё.

Если путешествие сложилось удачно, рассказ о нём лишён драматизма, зато у нас тут будет мораль даже из двух пунктов:

1. Человек – гораздо более метеозависим, чем сам о себе думает.
2. Отдых надо планировать до того, как окончательно устанешь.

* * *

Ещё какое-то время казалось, что я понемногу снимаю с себя броню. Понадобилось несколько дней, чтобы научиться ходить к морю с маленькой сумочкой, в которой только айфон, ключи от квартиры и деньги на завтрак. Идти минут семь, улица упирается в пляж, но я всё равно порывалась экипироваться, как в поход с ночевкой. Постепенно догадалась, что необязательно быть постоянно начеку и во всеоружии, как привыкла. Если нет с собой чего-нибудь нужного, можно за этим вернуться, да, и за тёплой одеждой тоже. Нет, я не замёрзну мгновенно. Нет, паспорт не понадобится, если не платишь кредиткой. Нет, пятьдесят долларов – это не «только позавтракать».

Через неделю я вышла из дома в одеяле.

Постоянное сопротивление среды замечаешь, только когда оно исчезает. Москва, с её расстояниями, злодейской погодой и общим уровнем городской агрессии, оказывается, не очень-то милосердна, а я и не знала.

Была единственная вещь, на которой мне приходилось сосредоточиваться в Тель-Авиве. Я привыкла ходить по городам, глядя поверх голов и домов, там красивей. Но здесь очень любят собачек, очень. И эти собачки хорошо кушают, поэтому надо посматривать под ноги, чтобы не вляпаться в дерьмо. В первый вечер я об этом сразу же и узнала. Очень обрадовалась, ведь это к деньгам. Пришла домой, проверила банковский счёт – точно, упал гонорар от издательства. Жизнь налаживалась.

Первую неделю я не собиралась ни с кем разговаривать, кроме официантов и продавцов.

Помнится, весной немного писала для одной компании о том, каковы мои отношения с иностранными языками. Публиковала тогда официальную версию, а на самом деле с ними обстояло так:

«К концу путешествия по Флориде у меня сделался свободный английский – в том смысле, что я начала совершенно свободно пользоваться тем единственным английским словом, которое мне открылось. Это слово “оу”, где о произносится с двумя точками наверху и со специальными интонациями, тоже двумя. Вы заходите в некое место и строго спрашиваете, ду ю ли они спик раша. Когда отвечают «нет», вы делаете такое лицо «да как же вы живёте!», чтобы все поняли, как они облажались. Потом следует сказать, что вы-то гражданин мира и спикаете по-английски бат литл-литл – чтоб не расслаблялись. И дальше уже в любой ситуации нужно произносить это самое “оу” ровно таким тоном, как если бы вы обнаружили, что у очень хорошего человека либо очень маленький, либо очень большой член. Всё. То есть вы говорите ваше “оу” или с мягким, но бесповоротным разочарованием, или с приличным ликованием. Попробуйте сейчас: “оу”. “Оу”. (И не забывайте две точки над “о”). Всё остальное в этом мире можно показать руками».

С тех пор ничего не изменилось.

К сожалению, эта технология имеет феерический баг: ею нельзя пользоваться с израильскими мужчинами – с теми, которые не продавцы и не официанты. Точней, пользоваться можно, но результат вам не понравится, если вы не планировали секс-тур. После Москвы я совсем не хотела видеть людей вблизи, поэтому в ужасе убежала от солнечных пляжных придурков, перемещаясь по берегу со скоростью один мужик в полчаса. Только присядешь, и вот. Я истерически спрашивала в фэйсбуке: «Как сказать по-английски “Мне не нужен мужчина”, не используя слово “фак”?!». Мне посоветовали «гет лост», но друзья потом отговорили:

– Понимаешь, израильский мужчина – утомительная штука, конечно, но у него может оказаться плохой английский, услышит слово «лост» и подумает, что ты потерялась. И тогда в нём включится израильская бабушка, а это уже действительно страшно. Он начнёт о тебе ЗАБОТИТЬСЯ.

Я не была готова к настоящей израильской заботе, поэтому даже слегка обрадовалась, когда похолодало до двадцати и пляж потерял свою привлекательность. Проблема исчезла: по городу я хожу слишком быстро, они не успевают понять, что это можно трахнуть, а ужины стала заказывать «на вынос» и съесть на балкончике при свечах и в одеяле.

Одно из серьёзных московских огорчений в том, что с ноября тут совершенно невозможно фотографировать, холодно и темно. Очень надеялась в этом смысле на Тель-Авив, но поначалу разочаровалась: с неба лупит прямое солнце, на побережье сплошные небоскрёбы – скукота-скукота. Но потом появились облака, а я стала углубляться в город, и всё оказалось не так плохо.

Помню, как увидела Старый Яффо. Сначала долго идёшь вдоль моря, посматривая на унылые высотные гостиницы, ничего не происходит, «чёртов курорт», думаешь, а потом вдруг впереди возникает что-то ошеломляющее. Это и будет Old Yafo. Изнутри же он гораздо проще. Не более чем остановленное время, в которое пускают погулять на твой страх и риск, – никогда не знаешь, в какой век отсюда выйдешь.

К концу недели я уже достаточно отогрелась, перестала дёргаться и намолчалась, поэтому собралась с духом и поехала в Иерусалим. В принципе этот город – не испытание, туда можно приезжать и растерзанным в тряпку, всё равно тебя примут. Но я хотела для разнообразия явиться вменяемой, а не как в тот раз.

Прямо от автовокзала обо мне начал заботиться (в хорошем смысле) Митя.

Митя, он гид, и по совместительству красивый, как рысь. Я послушно смотрела на древности, которые он показывал, но иногда отвлекалась и поглядывала на него, потому что хотела убедиться, не показалось ли мне. Нет, точно – как рысь.

Потом я ещё думала, что работа гида странная, нужно каждый раз в определённом месте произносить определённый текст. В Эрмитаже, наверное, рехнёшься, но в Иерусалиме это напоминает какое-то религиозное отправление: пришёл к этому камню, проговорил над ним специальные слова, пошёл к другому. Медитативно.

Однажды во Флориде мне объяснили, что гиды делят туристов на ботаников и архитекторов – одни всё время спрашивают, что это за кустик, а другие, что это за домик. А Митя к этому добавил, что гид всегда идёт впереди туриста, чтобы успеть затоптать незнакомое растение. Так вот, со мной это необходимо, потому что я, конечно, из ботаников.

У гидов особенная шкала информационной ценности, очень заразительная. Тебе обстоятельно показывают стену, которую Ирод приказал сложить специальным образом, и ты смотришь на неё с неподдельным восхищением – офигеть, какая придумка. И воодушевление твоё сохраняется так долго, что потом некоторое время пытаешься пересказать каждому встречному: «Каменные блоки он велел ставить так, представляешь?!», а люди смотрят рыбьим глазом и отказываются разделять твой восторг.

Митя ещё и потому хороший проводник, что умеет подобрать человеку именно такой комплекс впечатлений, который тот наверняка сможет воспринять не умом, так ещё как-нибудь.

В Сионской горнице было бело и пусто, только хрупкая рыжая кошечка дремала на каменной скамье. Когда я села рядом, она проснулась, залезла ко мне на колени, спрятала нос в рукав плаща и замурлыкала. От этого у меня, наверное, сделались стеклянные глаза, потому что на нас с ней будто опустился прозрачный купол, отсекающий время. Так бы сидела и сидела следующие лет сто, пока не проголодаюсь.

Потом мы спустились в подземелья Ир-Давид. Я люблю камешки почти так же, как кустики, и к тому же клаустрофоб, и не могла упустить шанс помучить свои страхи. Не знаю, как другие чувствуют замкнутые пространства, а у меня на шее сидит карлик в душном плаще, который сжимает мою шею руками и ногами, а иногда закрывает лицо пыльной полкой, так что впору заваливаться на спину и синеть. И я, конечно, стараюсь изводить это мерзкое существо при любой возможности, потому и попросилась туда.

Из прекрасной древней канализации мы выбрались потные, но с достоинством, и вышли к высокой стене с восхитительным видом, и я сразу вспомнила, что у меня и акрофобия тоже.

Мы сели под стеной и некоторое время тупо смотрели впереди себя, наслаждаясь безлимитным количеством свежего воздуха. На древней стене угасали отблески заката. «Досмотрю, и пойдём», – думала я.

– Митя, – сказала я через некоторое время, – тут что-то не то, отчего это закат такой долгий?

– Марта, это лампочками подсвечено. Пойдёмте уже.

После этого Старый город я покидала совершенно раздавленная счастьем. «Как это здорово и как по-христиански, – думала я, – что некая комбинация физиологических страданий так просветляет и освобождает простого человека. Это почти как русская баня, только с большой эмоциональной нагрузкой».

* * *

Я никогда прежде не видела пустыни, никакой, и это большое упущение. В прошлом году я посмотрела на океан, но это другое, он утешает, а пустыня, наоборот, обездоливает. Увидевший океан становится ближе к жизни, а тот, кто часто смотрит на пустыню, в конце концов отдаляется от неё и оказывается гораздо ближе к птицам, чем к людям. Птицы болтаются на границе жизни и смерти, поэтому у них плохо с памятью и совестью, а хорошо, наоборот, с лёгкостью и нахальством. На месте остальных людей я бы не стала связываться с тем, в ком отпечатались пустыня: никогда не знаешь, то ли он сейчас улетит, то ли умрёт у тебя на руках, то ли, наоборот, будет жить вечно, – ясно только, что ты останешься ни с чем.

Но если постоять немного на романтическом обрыве, разглядывая Мёртвое море и лежащую за ним Иорданию, пафос постепенно снижается. Пустыня оказывается каменистой и золотой, море голубым, а тот берег розовым. Долго сохранять суровость посреди этой колористической непристойности не получается.

Женя везёт меня в Масаду, о которой я толком помню только диалог из «Властелина колец» в переводе Гоблина:

– А ты слышал когда-нибудь о Масаде? Три года девятьсот евреев держались против тысяч римских легионеров! Они предпочли рабству смерть! И где теперь эти римляне?

– Хм, я думал, ты спросишь, где теперь эти евреи...

Что ж, увидим.

Если на фуникулёре неинтересно, можно подняться по крутой лестнице и с красной рожей припасть к крану с питьевой водой, а уж потом оглядеться. Поначалу это просто очень красивый вид и очень старые камни. Ты методично ходишь и всё обсматриваешь – круто же, дворец Ирода, а байка обрастает плотью, и Флавий, веером пролистанный в колледже, становится актуальным, как сводка новостей. История в этой стране не перестаёт быть, точно так же, как не исчезает Присутствие у Стены плача и в храме Гроба Господня. Чья история? Чьё присутствие? – а чьё сумеешь принять.

В конце концов, приходит время спуститься в пещеру, в бывший водный резервуар, в котором две тысячи лет назад девятьсот шестьдесят человек договорились перерезать друг друга, потому что больше не могли удерживать крепость и сдаваться тоже не могли. На поверхности под тридцать, внизу прохладно, внизу холодно, внизу сказочка о смерти окончательно превращается в саму смерть, в эхо последнего волевого усилия, и если на минутку заткнуться, то можно узнать, где они теперь – они всё ещё там.

Кажется, на Мёртвом море мы оказываемся меньше чем через час. С перепадом высот и температур внутренний монолог не возвращается, наоборот, думать получается только телом. Но и оно сбито с толку: Женя проводит обычный инструктаж – лицо в воду не опускать, глаза не тереть; я знаю, что погружаюсь в агрессивную среду, но тёплое плотное море присылает

противоположные сигналы – нужно расслабиться, всё хорошо. Вынуждена признать, что за пять минут я впала в состояние космической собаки Белки, Женя сжалился и вытащил меня.

Ещё через час мы подъезжали к Иерусалиму, за бортом было плюс тринадцать, ни одна часть меня уже ничего не соображала, но где-то между мирами Женя, который тщательно выстроил весь этот трип и теперь любовался результатом, дал мне рюмку французского абсента, и я подумала «ну и ладно». Сегодня выяснилось, что времени, расстоянию и прочим физическим показателям доверять бессмысленно, и за одно это стоит выпить.

Дома я забралась в постель, закрыла глаза, и последние дни рассыпались, как подброшенная пачка открыток, – взлетели и распались на картинки и ветер.

* * *

Читавшие эти записки говорят, у меня получился комплиментарный текст, в котором нет ничего о насущных проблемах Израиля. А что, кто-то обещал? Я не пишу этнографических исследований, мне хватает проблем своей страны, чтобы на них сосредоточиваться. Там я была туристом, и в этом качестве со мной ничего плохого не случилось. Если случится, я вам сообщу. И выберу другое место для следующих каникул.

У меня не было неприятностей со службами безопасности, например. Досмотры были, неприятности – нет. Воспринимать их работу без раздражения меня научил один разговор в Дизенгоф-центре.

Чернокожий толстячок, приблизительно моего роста, стоял у входа, расставив ноги несколько шире плеч, и поигрывал сканером. Он с явным наслаждением изображал техасского шерифа, не забывая коротко, но внимательно проверять каждого входящего.

– Долго репетировал эту позу, – заметил Женя.

– Важненький такой...

– В девяносто шестом тут был теракт, смертник хотел войти, но испугался охранника. Отошёл немного и взорвался, погибли тринадцать человек. Попал бы внутрь, были бы другие цифры.

– А охранник уцелел?

– Нет.

Боже мой, да пусть играет в героя, у него, к сожалению, есть некоторый шанс им стать. Пусть дотошная девчонка переворачивает мою сумку в Бен Гурионе («Кажется, я теперь знаю, что такое еврейский погром, – подумала я тогда, – то, что устраивают израильские безопасники в твоих вещах»). Пусть работают, как умеют, зато мне спокойней лететь, ходить по торговому центру, ездить в автобусе.

Но в целом отлёты мои проходят гладко. В последний тель-авивский вечер я решила выпить капельку абсента, но по необъяснимым причинам чистый напиток постепенно сменился коктейлем «Ван Гог». Я немного грустила и даже опасалась, что буду плакать, уезжая, но с утра физические страдания полностью изгнали душевные. И служба безопасности с одного взгляда поняла, что у этого человека сегодня другие проблемы, нежели взрыв аэропорта.

У меня не было сложностей с персоналом в кафе – наверное, потому что я не считаю десятиминутную задержку в обслуживании личным оскорблением и всегда могу перейти в соседнее заведение, если что. В Москве потом не сразу привыкла, что люди, которые продают мне еду, не улыбаются.

Один раз шла пешком от центрального автовокзала до Буграшов: таксист, которого попыталась словить, стал подозрительно путать «фифти» и «фифтин», я решила дойти до угла и найти другого, а потом подумала, не прогуляться ли минут двадцать. Кто ж знал, что в окрестностях расположен чёрный квартал. Кажется, тельавивцы слегка гордятся тем, что у них есть свой Гарлем. Я, понятное дело, поначалу ничего не заметила, а потом страшно обрадовалась, когда стали попадаться очень чёрные люди в белых национальных одеждах. В отличие от афроамериканцев никакого люрекса, стразиков и пайеток, прекрасное зрелище. Только тарасились они на меня с тревогой – дело в том, что в незнакомом месте я, естественно, ориентировалась по карте, и потому шла с айпадиком в руках и периодически в него утыкалась. А у них, между прочим, Плохой Район, Опасный Чёрный Квартал! и вдруг с этой дурой чего случится.... Поэтому я убрала айпадик, чтобы их не травмировать.

Да, ещё, когда я снимала квартиру на следующие каникулы, несколько раз возникало желание обмакнуть некоторых риелторов в Мёртвое море с головой и подержать там какое-то время.

Но всё устроилось. Я выбрала для следующего полёта день, который случается раз в четыре года, перезимую март, напишу книжку и погуляю. Буду, конечно, скучать по своему коту, потому что огромный недостаток города Тель-Авива в том, что кошки там неприветливы.

Весна 2012

Моя другая весна

Когда мои тель-авивские друзья узнали, что я собираюсь написать что-нибудь для «Букника», они страшно развеселились.

– Ты должна быть готова к тому, что израильтяне не выносят критики. Любая попытка иронии над местным образом жизни приравнивается к антисемитизму и карается скандалом в комментариях.

– А если я напишу лучезарное?

– Тогда скажут, что ты ничего не понимаешь в подлинных проблемах страны. И скучно получится.

– Что же делать? А можно я напишу про риелторов?

– О! Это можно, их никто не любит. Здесь принято ругать риелторов, адвокатов и твоежков cottage.

В результате я струсилась и для сайта сделала нежнейший акварельный текст, который там разместили с меткой «эротика». Я теперь и не знаю, что думать об их сексуальности, в нём даже не было ни слова про сиськи.

Поэтому я лучше напишу всё сейчас в безопасном месте.

Итак, я решила провести последний зимний месяц (март, чтобы вы понимали) в тепле. Вернувшись с ноябрьских каникул, сразу же занялась поисками квартиры.

Нет, сначала всё же лирическое отступление (не эротика!).

Эта маленькая смешная страна потихоньку рвёт меня на кусочки. Она, конечно, дико серьёзная – со всей своей историей, верой, войной и окнами в вечность, которые распахиваются там и сям без особого повода с твоей стороны (идёшь, никого не трогаешь, повернул голову, и тут оно наскочило). Но израильтяне при ней как дети, и я сейчас не столько про наших русских, – моя бесценная Родина выбивала из нас детство годам к пяти-семи, и мы потом его всю жизнь себе возвращали, – сколько про непонятно щебечущих там урождённых. Мне всё казалось, что я очутилась среди крупных детей – болтливых, добрых, алчных, любопытных, таскающих с собой новенькие нарядные автоматы даже на пляж; теоретически готовых умирать и убивать, но прежде всего трахаться и рожать; с мудростью, живущей в крови, а не в голове; и страшно прожорливых притом.

И вся их страна взялась за меня с детским любопытством, отщипывая, как от капусты, листик за листиком. Да, «капусту» в известном смысле она тоже нехило отщипывает, но я не об этом. Немного сердца оставишь здесь, немного тревоги потеряешь там и домой возвращаешься не то чтобы пустым, но каким-то нецелым, со смещённым центром тяжести, и потом носишься тут, как пуля, бойко и беспощадно. И крайне эффективно.

Не могу точно сказать, кусок чего я потеряла, когда смотрела на розовую Иорданию, которая начиналась сразу за голубым и мёртвым морем, которое, в свою очередь, лежало за золотыми камнями Иудейской пустыни. Наверное, какой-нибудь страх или безнадежное желание. А вместо него я отчётливо поняла, что хочу здесь зимовать. Не прямо тут, на скале, но в стране, где за снегом надо взбираться на специальную гору, и я туда точно не полезу.

И с этой новой идеей я приехала в Москву и стала искать квартиру по Интернету.

Не буду вдаваться в подробности, но деньги на затею дались легко и приятно, а вот аренда жилья... Если в ноябре я вернулась из Тель-Авива совершенно влюблённой, то в марте я ехала туда в состоянии лёгкого бытового антисемитизма, которого мне не удавалось нажать за всю предыдущую жизнь и два брака с лицами соответствующей национальности.

Потому что риелторы и так не лучшие люди на земле, но израильские – это какое-то божье орудие пытки. Если коротко, возьмите нашего московского агента с его напором, жадностью и лживостью, с постоянными попытками подсунуть вам не то, не там и за другие деньги и отнимите у него нашу местную молниеносность. А взамен начините восточной ленью и необязательностью. И он будет надувать вас точно так же, но меееедленно и довольно добродушно. Вы сидите с полными карманами денег и десятью вариантами и всё равно не можете уладить этот дурацкий вопрос прямо сейчас, потому что вам отвечают на письма через неделю и ещё сколько-то времени уходит на попытку с вами поторговаться. Поэтому я вцепилась в девушку, которая была, по крайней мере, быстра, и с её помощью ловко оказалась не на улице Буграшов за тысячу баксов, а посреди разгромленной Шенкин и за полторы. «Разгромленной» – это не фигура речи, это дорожные работы, которые продлились весь месяц, что я там прожила.

Сейчас скажу, что такое ремонт улицы в Тель-Авиве, но сначала закончу про риелтора.

Достаточно знать о ней две вещи: она так и не смогла сообщить мне номер квартиры, которую я сняла (подозреваю, сама не выучила, на двери-то его не было); и в первый же день забыла у меня ключи от квартир во всём доме. И не то важно, что забыла, а что за связкой она неспешно зашла через неделю. Вы понимаете уровень тревожности этих людей и меру их ответственности за вверенное имущество? Дембеля какие-то.

И точно такие же люди ремонтируют там улицы.

Не то чтобы я не знала о ремонте – я посмотрела фотографии в гугле. Но его затеяли в ноябре, и я думала, что уж к марту они закончат, центральная улица всё-таки. У нас вон мэр, собака бешеная, всю Москву обложил плиткой за три месяца, а тут коротенькая Шенкин.

Ха! Я забыла про иерусалимский трамвай, который запускали десять лет.

Они начинали ремонт в восемь утра, закруглялись к полуночи, делая в течение дня необъяснимые и непредсказуемые перерывы, а в ночи могли иногда вдруг вскочить и внезапно начать работать. Скажем, с четырёх до пяти утра. О продуктивности я помолчу.

Я всем сердцем полюбила шабат – во-первых, тихо. Зато у меня наладился режим дня, и в законные часы тишины я спала как убитая.

И вы думаете, мне было плохо? Мне было ослепительно хорошо.

У меня были белые четырёхметровые стены, пустая комната и несколько ваз с белыми цветами, которые отказывались увядать. По ночам меня укачивали сумерки, ведь месяц у них колыбелью, а не ломтиком, как у нас. И весенний воздух в Тель-Авиве долго остаётся острым и прохладным от моря, а потом на город резко обрушивается жара, и всё заканчивается. В Москве же в льдистый ветер медленно вливают тёплое молоко, пока оно не заполняет всё вокруг, а потом появляется пыль, и тоже всё заканчивается.

Но эти вёсны случились со мной одна за другой, и я запомнила, что на свете с людьми бывает что угодно: исполняются желания, загаданные в пустыне, в году происходят две весны, а жизни могут следовать одна за другой, и белые колокольчики стоят двадцать один день, не увядая, потому что им хорошо и хочется пожить ещё, а умирать, наоборот, не хочется.

0 марта

От меня ускользает подлинное значение шабата, хотя я прочитала некоторое количество определений и пояснений. По приблизительным описаниям получается день отдыха и веселья, но то, что происходит вечером пятницы, в мою картину обычного праздника не вписывается. Даже в Тель-Авиве, в котором пафоса примерно как в моей левой пятке, и не говоря об Иерусалиме, – там достаточно пережить один шабат, чтобы потом со знанием дела писать постапокалиптические рассказы до конца своих дней.

По необъяснимому ощущению город запирается от чужаков, становится холодным, ветреным и грязным. Любой, кто находится на улице, считывается как посторонняя сущность, кажется, будто здесь разгуливают только чужие как городу, так и этому миру вообще. Причём я как раз посторонняя, но они ещё более не отсюда. Если после заката в город въедет армия на бледных конях, никто не удивится. Мне даже кажется, что она каждый раз въезжает.

Соответственно никакого умиротворения в воздухе я не слышу, люди от кого-то заперлись и пережидают. Внутри у них там, я не спорю, огоньки, еда, субботние наслаждения, но снаружи – ой.

Утром субботы мистика исчезает, город уже не такой пришибленный, просто пустой. А после заката начинается веселье, как будто всех выпустили, обошлось, пронесло, вот теперь – то радость, и даже странно, что завтра надо работать.

Но пишу я всё это не потому, что этнограф во мне проснулся и вылез из-под одеяла (кажется, я декларировала отчуждённость сверх нормы ещё при рождении, а не то что въезжая), а потому что открыла Живой Журнал и нашла там вечер пятницы перед выборами. Не нашей пьяной московской, а вот этой – затихшей, холодной, ожидающей армию конных призраков. Только не факт, что для нас потом наступит вечер субботы.

10к-ое марта

Женщины без роду-племени легко вычисляются по тому, как, рассказывая о путешествиях, они говорят о своём зеленщике, у которого всегда берут корзинку клубники, о любимом кафе, где обычно завтракают, и называют имя бармена, делающего самый правильный «Лонг-Айлэнд» на побережье, даже если их жизни в том городе была всего неделя. Они мгновенно и, кажется, несколько нервно обзаводятся постоянными местами и короткоживущими привычками, и не из жадности присвоить как можно больше чужого хорошего, а от желания стабильности, которая отсутствует в их настоящем быту. У такой женщины чаще всего нет подлинной семьи и дома, зато очень много ответственности.

Помня об этом, я не спрашиваю, как зовут продавца сыра, который раз в три дня продаёт мне камамбер из коровьего молока и кусочек чего-нибудь ещё на его вкус. Он такой же «мой», как эта белая пустая квартира с четырёхметровыми потолками, как определённый камень волнореза на Буграшов-бич, на котором, я знаю, ловится нитевидный пляжный вайфай, как местный мальчик или кот, временно назначенный на позицию друга. Все они могут сколько угодно убеждать меня в своей неизменности запахами, теплом, словами или пушистостью, но я всё время вижу это пространственное искривление, такую прозрачную гибкую плоскость, на которой существую я, не встроена в их естественную жизнь. Можно играть, что я Серебряный Сёрфер, Silver Surfer, инопланетянин и супермен, который скользит, а можно назвать это не пришей кобыле хвост, неважно.

Важна здешняя позитивность, вмешанная в уличную толпу, разлитая в воздухе, которую поначалу лакаешь как молоко с мёдом на ночь, и тебе от этого исключительно хорошо. Далеко не сразу вспоминаешь, что от избытка мёда может и посыпать, далеко не сразу чувствуешь, что недостаточно оплатить это тёплое питьё своими туристическими деньгами – следует точно так же генерировать позитивность в ответ. Никто тебя, конечно, не накажет за отсутствие улыбки и кивка, но если не вливаться в ритм местной крови, однажды осознаешь такое ошеломляющее одиночество, которое, наверное, чувствует страница, вырванная из середины книги.

Ничего не знаю именно про эту страну и про любые другие, но подозреваю, некоторая психологическая мимикрия необходима где угодно, если задерживаешься дольше, чем на пару недель. Приходится выяснять, как тут принято дышать, и действовать соответственно. Нет, без воздуха тебя в любом случае не оставят, но уколы собственной чужеродности будут всё острее.

И ещё было бы полезно вспомнить, насколько я уместна там, в Москве. Если полистать мои книжки, окажется, что я всегда и повсюду ношу свою бездомность на спине, как улитка, мне совершенно всё равно, где совершенно одинокой быть, как писала велеречивая удавденница. Так что нужно уже, наверное, смириться, узнать имя моего булочника и прикормить соседского кота.

PS. В каждой здешней записи я оставляю маркёр, отмечая место и время. Это я написала на улице Шенкин в течение шабата. Я нашла для себя если не смысл, то практическое использование субботы: мне следует быть дома и пытаться его осознать.

Ночное марта

По всем признакам это неудачная поездка – у меня стройка под окном, в ноутбуке померла материнская плата, и я не могу работать, а маленькая лейка не выдержала атаки тель-авивского пляжа и перестала высовывать мордочку, и вряд ли это будет гарантийный ремонт, потому что подвергнуть устройство здешнему песку – это всё равно что утопить. Ну и другое прочее. И тем не менее я выбралась с айпадиком на площадь Бялик, к бывшей мэрии с белыми колоннами, на бортике фонтана лежит волосатая собачка и пялится на воду, а её хозяин терпеливо стоит рядом и ждёт, пока она насмотрится. Собачка нагладелась и ушла, а у меня случился очередной припадок умиротворения, из тех, которые подстерегают здесь там и сям. И, если что, это не оксюморон и не другое какое лингвистическое нарушение, потому что благодать тут действительно периодически ударяет мягкой колотушкой по темени, успокаивая гостя города резко и надолго, так что он потом некоторое время слюняво улыбается и подволакивает ноги.

Подволакивать ноги особенно полезно на рынке Кармель, а я поначалу слегка нервничала, продираясь, глаза и запутываясь. А надо на самом деле тащиться, глядя впереди себя, к сыру, тогда пространство мгновенно организуется, хлеб и клубника окажутся справа, пахлава слева, но мы туда не смотрим, а идём дальше, и после сыра будет засахаренный имбирь в два раза дешевле, чем на углу.

Не знаю, как других, а меня этот город старит на двадцать лет, и я становлюсь пожилой дамой в тапках, здоровенькой и полубезумной, утратившей какой бы то ни было пафос перед актом выхода из дома и актами коммуникации. Не нужно играть в «соберись, тряпка» каждый раз, когда идёшь гулять или должна с кем-то поговорить. Достаточно нацепить какую-то обувь, прикрыть срам произвольным платьем и сказать подряд все слова, приблизительно подходящие по смыслу, какие вспомнишь.

И вот это у них – это всё «шумный Тель-Авив, который никогда не спит и живёт в бешеном ритме». Я как подумаю об этом, сразу начинаю мимимикать.

Насчёт других актов, я тут случайно поняла, как можно трахать тутошних восточных оленей. Раньше думала, что такую зверушку допустимо только накормить с руки шекелем и уйти, но представьте: начало ночи, вы вдруг проголодались и вылезли из кровати, но не из-под одеяла, и так прямо в халате и пледике идёте за пиццей на Алленби, потому что у себя на углу уже пробовали. А там мальчик делает ресницами блым-блым, и в глазах у него при виде вас возникает отчётливое ВАУ. Вы ему «машрум энд моцарелла тэйк эвэй плиииз», а он продолжает смотреть так, будто вы самое прекрасное, что случилось в его короткой жизни, и тапки ваши прекрасные, и пледик, а заказ вообще верх изящества. Я-то, понятно, оставляю после этого чуть больше чаевых и волокусь досыпать в крошках из-под пиццы, но более впечатлительные женщины могут и того, и кто их осудит.

А прямо сейчас надо мной навис юный обдолбанный ниггер и взялся дружить. Ёлки-палки, чёрный мальчик, какая прелесть. Я собираюсь прервать своё повествование и перейти туда, где чуть меньше пахнет гашем, но мальчик говорит, что он, конечно, тупой и ни хрена не понимает, просто хочет полежать рядом, пока я печатаю. И вытягивается на бортике фонтана рядом со мной (я сегодня уселась именно там, а не на скамейке, потому что хотела рассмотреть волосатую собаку из первого абзаца).

Следующие несколько минут он втыкает в странные значки, выскакивающие на экране, похож при этом на умного чёрного дога и совсем не мешает. Ему, я чувствую, ошеломляюще хорошо – гаш мягко укачивает в коричневых ладонях, фонтан звучит громче города, в ночи светится идеальный дом из сновидений, айпад крошит перед ним неведомые буквы – и я не спешу уходить, внезапно отчётливо понимая, почему тот чувак медлил, ожидая, пока насмотрится его собака.

Бесконечное марта

Айфон замечателен своей готовностью засвидетельствовать жизнь владельца. Смотришь потом фотографии, заметки, звонки, сообщения и убеждаешься, что это точно было с тобой. Иначе слишком легко представить, что всё показалось. Перепутала же я сегодня скрип соседских ворот или качелей с жалостным кошачьим «ми», и пришлось безадресно складывать принесённый сыр в мисочку у мусорки. И точно так я могу перепутать бывшее с небывшим, воспоминание со сном или, как выражаются девочки, «отношения» с их отсутствием. Вроде случалась какая-то история, но память неуклонно размывается, и постепенно привыкаешь к мысли, что не было ничего, ничего не было. И тут можно залезть в свои эсэмэски, где чёрным по белому всё расписано, или посмотреть картинки и доподлинно убедиться, что не показалось.

Если перетряхнуть прошлый год, найдётся приблизительно четыре точки X, в которых я что-то поняла, и жизнь моя изменилась. Парочка озарений оказалась из разряда неприятных, парочка, наоборот, счастливых. Я сегодня расскажу про одно, совсем простое и хорошее, ради которого мне не пришлось никого терять или куда-то ехать.

Это случилось летом, когда я долгими часами гуляла по Москве, выбегивая некий неприятный опыт, потому что усталость и движение более всего помогают мне от несовершенств мира. И был такой мокрый солнечный день с частыми сменами погоды из тех, за которые многие не любят Москвы, а некоторые, наоборот, любят её особенно. Я уже успела пару раз снять и надеть куртку, рассматривая город через айфон, – тогда только начала играть с инстаграмом и обнаружила, что «всё есть кадр». И тут после слепого дождя появилась радуга, сначала одна, на Никольской, потом на Ильинке выросла вторая, а когда я вышла на Новую площадь, они уже расчертили всё небо. Прохожие останавливались, фотографировали и шли дальше, итальянские туристы задержались подольше, а я всё пыталась запихнуть в айфон огромное небо, сожалея, что он слишком телефон для этого. Наконец поняла, что лучше не получится, повернулась и пошла, куда и собиралась, в сторону Тверской, а радуги стояли у меня за спиной. И мне было жалко от них уходить, не зафиксировав и не насмотревшись, но жизнь заставляет принимать и более грустные вещи. Бессмысленная радость угасала, но вдруг я затормозила посреди дороги и подумала: «Интересно, это от возраста и перенесённых бедствий, или я всегда была таким идиотом? Я гуляю без мысли, без цели, хотя и по привычному маршруту. И что мешает мне опять развернуться и пойти навстречу радуге, и видеть её столько, сколько позволит её жизнь, пять минут или двадцать?»

И я, конечно, пошла и смотрела на неё, пока могла, и больше в тот день ничего не произошло.

Никаких чудес, и с другой стороны от меня она не возникла, и я не вступила в сияющий столп, просто произошло больше хорошего, чем если бы я не опомнилась.

Когда бы я затевала этот текст для повышения собственной популярности, сделала бы несколько удобных выводов, пригодных для формирования позитивного мышления. Примерно как в ваших любимых притчах о старушках или Джобсе. Что нужно идти навстречу радуге, пока можешь, и это проще, чем кажется. И всё такое. Но я только повторю, что после этого короткого осознания у меня стало заметно больше радостей не только в тот день, а на много дней вперёд.

Запах мацы и кулича

Авиаперевозчик моего сердца разослал постоянным клиентам такое прекрасное послание, что я со вчерашнего дня не могу терпеть и всем хвастаю:

«Весна наступила, и запах пасхальных куличей и мацы уже в воздухе. С приближением Песаха и Пасхи я хотел бы пожелать Вам и Вашей семье счастливых праздников, успехов, благополучия и счастья», – пишет нам президент и генеральный директор «Эль Аль».

Я с тех пор не могу избавиться от мотивчика «но Песах и Пасха, они, между прочим, не пара, не пара, не пара», но вы же видите, никаких религиозных противоречий между мацой и куличом.

Вообще, самый интересный материал для поиска противоречий дал мой муж Дима. С первого момента вступления на израильскую твердь я следила за ним с острым любопытством, будет ли целовать землю и всё такое. Половина его крови сами знаете какая, бабушка с дедушкой говорили на идиш, очень порядочная семья, а половина – от запорожских казаков, славных своим добродушным бытовым антисемитизмом. И я имела удовольствие наблюдать, как его рвёт на части прямо посреди Алленби, когда вокруг «аяяй, как хорошо! но столько евреев! но они даже не мешают!». Ну и, конечно, в Старом городе я первым делом помчалась в храм Гроба Господня, таща Диму, который плотоядно озирает торговые ряды:

– Мы сейчас, мы быстро, а потом пойдём, куда скажешь, – пообещала я, подразумевая Стену Плача, к которой он наверняка захочет припасть.

Религиозные отправления у меня проходят достаточно быстро, и буквально через двадцать минут я вышла просветлённая и спросила:

– Ну? Пошли искать Стену?

– Та не... – замылся он, – та я потом... Мне бы это... на рынок бы...

И следующий час я пила кофе в Мамилле, а он успешно припадал к продавцам барабанов, так что у нас образовалось немного дарбуков, а у нескольких арабов и евреев – немножечко наших шекелей, ну, скажем, четверть от заявленной цены.

– Так, для разминки, – сыто сказал Дима, – я бы ещё поторговался, но времени маловато.

Я было загрустила, что он забыл кровь своего отца, а потом подумала – не-а, ничего подобного. Это же история, абсолютно симметричная той, что рассказывала Дина Рубина о путешествии в Испанию. Она искала евреев из своего рода Эспиноса, и нашла, и захотела к ним припасть, а они вместо этого сказали: «О, вы тоже Эспиноса? Тогда купите у нас тарелку, мы сделаем вам скидку пятнадцать процентов». Я так поняла, она ушла подавленная, а зря. Никто ничего не забыл, просто некоторые лишены экстатических порывов, но кровь свою они очень даже уважают. 15 % – это хорошая скидка, а ведь ещё можно было поторговаться.

А в остальном всё очень просто, либо эта земля вызывает у человека радость либо нет, и кто не может её любить, у того нет праздника.

Последнее марта

Я снова устроила себе идеальный март, концепция которого сложилась семь лет назад. Я тогда решила, что каждый день в марте будет со мной происходить – то есть не просто наступать и заканчиваться, а свершаться с фиолетовыми молниями и звуками «та-дам». На этот месяц у меня назначены путешествия, любовь, творческие прорывы, психоделики и прочая война с Англией. В принципе я могу переназначить всё на любой другой или существовать на форсаже круглый год, но тогда, боюсь, жизнь моя была бы яркой, но короткой. А март, он такой, похож на капсулу со светом – ты её разгрызаешь, и некоторое время у тебя сияние в голове, а потом всё заканчивается, и ничего за это не бывает. И в этом году всё опять удалось, так что я пока не буду об этом, надо пережить немножко.

Похоже, мой город решил, что нет Марты – нет марта, и продолжает зиму, но я приехала, и через неделю всё будет. А пока пришлось выйти на улицу, и я сполна насладились медленным возвращением, когда тело уже здесь, а сознание пока приблизительно в районе Алленби, по-прежнему шастает и тарашится.

В пятницу уходила из дома дважды, потому что не смогла сразу правильно одеться. Запиши себе: многослойные тряпочки сейчас – деньги на ветер, только майка и пуховик спасут мир, а всякие там кофточка, кофточка и жилет продуваются мгновенно и насквозь.

Смотрела на лужи и сварливо думала: «Да, при Хульдаи¹ такого не было». Когда вдумчиво шлёпала мимо гаражей, услышала между непонятной иноязычной болтовнёй русскую речь и немедленно вскинулась посмотреть, кто это вдруг по-нашему. Ах, да, русская речь, нормально, а перед этим дворники шли.

В метро едва не промяукала кассирше «шабатшал'ооом», смолчала только потому, что заметила у неё образок «Умягчение злых сердец» за стеклом, ага, думаю, эта не соблюдает.

На улице девочки глядели, как я равнодушно иду по воде, и на лицах у них читалось сложное: «Дура какая-то в резиновых сапогах. Мне тоже надо!» И я с облегчением понимала, что девочкам могу не улыбаться. Тут же не то что там, где прямой взгляд означает добродушное любопытство или просто смотрение. В нашем городе это обычно агрессия, а кто не хочет нарываться, тот наблюдает искоса. Улыбаться начнут, если захотят что-нибудь продать, да и то не всегда.

...О, в какую дивную московскую контору я ходила перед отъездом! Даже вот сменю тон и расскажу сейчас, до того было круто.

Некая компания занимается созданием индивидуальной косметики, мне подарили купон на бесплатный крем, я и решила посмотреть. Девушки на ресепшн были безупречно вежливы, но сама дама-косметолог оказалась иной формации. Она довольно жёстко мною командовала, проводя серию своих тестов, необходимых для изготовления крема, и я вспомнила манеры медицинских светил старой школы. Когда болит непонятно что, сначала далеко не сразу решаешься идти к врачу, потом тебя долго и бессмысленно гоняют по кабинетам, и, в конце концов, какой-нибудь знакомый знакомого даёт телефончик «профессора». Светило за дикие деньги сначала ругается, что ты довёл себя до такого состояния, а потом молча и решительно выписывает рецепты. И в этот момент пациент почти рыдает от облегчения, потому что наконец-то ощущает себя в хороших твёрдых руках.

¹ Мэр Тель-Авива.

Ну и косметичка дала понять, что я скоро превращусь в тыкву, и тем же начальственным тоном велела заказать у неё сверх бесплатного образца ещё чудодейственных средств по цене, ну скажем, какого-нибудь диора. Я как-то остро почувствовала, что когда ты по команде совершаешь ряд движений типа «подойти-сесть-приложить-закрыть-открыть», то есть некоторая вероятность так же безропотно кивнуть и купить, а совковая память на «профессорскую» модель облегчит процесс расставания с деньгами. Но я собиралась в Израиль и рассчитывала оценить их минеральные удобрения, поэтому вежливо отказалась. Сначала, говорю, попробую тот крем, который вы сделаете.

Знаете, я думала, она меня стукнет. Человек проявил столько раздражения, что я даже растерялась. Казалось бы, уж если вы занимаетесь ненасильственным отъёмом денег у населения, будьте готовы к отказам. Но нет, из кабинета меня буквально выставили, разве что в задницу вслух не послали.

Готовый крем я потом забрала, вполне нормальный, но жёсткость впаривания изумляет до сих пор.

Что интересно, в Тель-Авиве я испытала радость узнавания. Среди тамошних продавщиц косметики есть порода пожилых тёлочек с похожим почерком. Они, конечно, действуют без ярости, но с нешуточным напором. Мне понадобилась баночка определённой марки, которая продавалась в аптечной сети, но я из любопытства спрашивала её в лавочках и на рынке. Видели бы вы этих честных и строгих женщин, которые гораздо лучше знали, что именно я хочу. На трёх языках мне неоднократно побожились, что такого названия в природе не бывает, зато у них есть круче и со скидкой. Более того, в аптеке консультант, приставленный к определённой полке, тоже не верил в существование того, что я ищу. Если бы я через пять минут не увидела искомое в соседнем зале, точно бы усомнилась. А так я просто расстроила другого мальчишку, который изготовился долго втюхивать мне два крема по цене одного, а я без разговоров взяла шесть.

Так что в плане честности особой разницы не заметила, обобрать постараются и здесь и там, но у них это как-то по-доброму получается, с душой, а если не получается (что крайне редко), то даже вслед не плюнут, а просто слегка удивятся. Хорошая страна, а главное, тёплая.

Лепестки россыпью

Искала гуглем, где постирать, первой ссылкой выпало «Женщине перерезали горло в прачечной Тель-Авива». Следовательно, прачечные в Тель-Авиве существуют.

За окном кафе парочка: дева в обтягивающем платье и с конской улыбкой и невозможно прекрасный брюнет. Сидят за столиком и вдумчиво разговаривают. Постепенно она начинает злиться и явно наезжать, и мне хочется выйти и забрать его в хорошие нежные руки. Но на самом деле я просто завидую: они выясняли отношения часа полтора, всё время, пока Дима ел свой огромный ужин. А у меня никогда не было отношений, которые получилось бы выяснять так долго.

В плохие дни хорошо ходить в порт, чтобы послушать, как звенит такелаж на яхтах.

Дима целый день шарахается от пуримских девушек, и мне пришлось объяснить, что для приличной женщины нет большего удовольствия, чем одеться шлюхой. И наоборот, подлинные блудницы тщательно маскируются под порядочных. Дима оглядел мои пепельные шали и длинные многослойные юбки, но выводы озвучивать остерёгся. Молодец.

В Тель-Авиве четверть первого, Пурим. Под окнами бегают праздничные евреи и поют «Пусть бегут неуклюже». Поют плохо.

Похмелье делает человека тонким, абсентное похмелье делает человека тонким и зелёным. Фэйсбук определился с моей локацией и показывает рекламу на иврите, но сегодня учуял слабинку и жестко спросил на родном: «Вы получали пицуим?». До чего просто поразить беззащитного зелёного человека. Как я себя чувствую сейчас, так и не исключено, что получала, и не далее чем прошлой ночью. Пытаюсь сообразить теперь, что именно из происшедшего они называют этим словом.

Меня укачало в иерусалимской маршрутке, и потому по Левински я шла, присматривая, куда бы пристроить содержимое желудка, если что. Местами улицу порядком загадили нелегальные африканские иммигранты, но попадаются и симпатичные пространства, скажем, большая спортплощадка, на которой чёрные парни добропорядочно играют в баскетбол. И вот, говорю я Диме, если я сейчас сделаю это, они потом с чистой совестью смогут рассказывать о понаехавших белых тётках, которые заблевали им весь квартал!

Представьте себе почти пустой Акко в ночи, арабские дома и древние стены, построенные крестonosцами, представьте отдалённую площадку над морем, с которой внезапно раздаётся неожиданный ноющий звук. Вы заходите в узкую арку и обнаруживаете там девятерых арабских мальчиков, которые неумело, но страстно терзают два барабана и семь волюнок. Шотландцы из них, как из меня ниггер, но они очень, очень старались.

Матушку свою, кроме прочего, люблю за актуальность её страхов. Когда я была четырнадцатилетней девственницей, она страшно боялась за мой моральный облик, например, а потом это категорически прошло, хотя как раз наступило самое время. А сейчас получила депешу от сестры: мама услышала, что в Израиле выпал снег, и теперь остро переживает, что я мёрзну. Двухчасовой снегопад десятидневной давности в Иерусалиме её тревожит. А то, что в ста км от Тель-Авива уже неделю ракетные обстрелы, – не-а. И слава богу, что так.

Сажая мужа в такси до аэропорта, внезапно очень расстроилась и домой возвращалась с таким перекошенным лицом, что продавец сока спросил: «Хау а ю». «Хазбанд флааай», – взвывла я и ушла, размазывая слёзы. Вечером сок мне был за полцены.

Одиночество в чужой стране располагает к странным поступкам, поэтому я решила завершить шабат празднованием Патрика и сплясала рилл под айфон, насколько это возможно после четверти пиццы. В разгар позвонил муж и начал допытываться, почему у меня сбито дыхание. Я, конечно, не призналась, потому что объяснять получилось бы долго и неубедительно.

А через полчаса мою дверь пытался взломать англичанин. То ли этажом ошибся, то ли пришёл на рилл, захватчик. При Диме такого не было!

А прямо сейчас под окнами прошёл безмятежный чёрный мальчик, у которого поверх футболки позвякивает многорядное «бриллиантовое» ожерелье.

Таки белой женщине нечего делать на Левински после заката. Сподобилась повидать большой чёрный член в деле – он писал. Познавательное, но я бы обошлась.

Аж вот присела у Дизенгоф написать, что увидела религиозного еврея, обременёного двумя младенцами, на руках и в коляске, который при этом быстро катил на роликах, развиваясь кудрями.

Случайно поймала вайфай в порту и уселась на землю, чтобы обработать и отправить в инстаграм красивенький полицейский катер. Я, как обычно, в костюме арабского нищего, в одеяле и с сумкой-мешком. Сейчас заметила странный взгляд проходящих туристов – похоже, я порождаю миф о тель-авивских бомжах с айфонами.

Своими глазами увидела Центр Мирового Сионизма – такая вывеска скромно горела на одном из домов. Я не поверила себе и остановилась как вкопанная: «Ты смотри, Дима, они даже не скрывают». Поймите правильно, в детстве у меня была книжка «Сионизм без маски», и теперь я чувствовала себя, как американский школьник, попавший в СССР времён холодной войны и увидевший какой-нибудь «городской комитет Коммунистической партии Советского Союза».

Разбила бутылку абсента в дьюти-фри, как только оплатила. Заменяли, святые люди.

Москва – Тель-Авив – Иерусалим

В свое первое израильское путешествие я поселилась в Иерусалиме и была, помнится, сражена покоем, который по сравнению с московской жизнью казался каким-то невероятным – теплое молоко в космосе. Меня, как и всех, сразил иерусалимский синдром, но я не воображала себя библейским героем и не наряжалась в белое. Я просто нашла себя в центре мира (даже в центре центра мира, потому что жила на Кинг Джордж), и там оказался покой. Был он столь всеобъемлющ, что в следующий раз я поселилась в Тель-Авиве, решив, что возвращение оттуда в московскую суету будет менее травматичным. Из Тель-Авива приезжаешь отдохнувшим и готовым к подвигам, из Иерусалима возвращаешься пустым и свободным от всего, в том числе и от амбиций, необходимых для успешной московской жизни. В Тель-Авиве вместо покоя процветают расслабленность и добродушие, Иерусалим никакого особенного тепла не излучает. Это немного напоминает Москву, где прохожие приучены скользить, не задевая друг друга, – таково условие сохранения порядка в мегаполисе. В Иерусалиме люди скользят не только в пространстве, но и во времени, в ауре своей культуры и веры, глядя сквозь чужаков, как мы глядим через стекло – не замечая, не раздражаясь, не пытаюсь ничего изменить. Есть, разумеется, торговцы в Старом городе, для которых каждый турист – добыча, и есть просто жители, не отягощённые крайними убеждениями, как везде. Но общее состояние соответствует весенней погоде – в среднем на пять градусов холодней, чем в Тель-Авиве.

Не могу сказать, что полюбила Тель-Авив, и не потому, что в моих чувствах к нему есть какая-либо двойственность.

Это история о русских отношениях со словом «любовь». Мы не говорим «я люблю тебя» по всякому поводу, как американцы какие-нибудь, мы давимся этим словом и выкашливаем его в самом крайнем случае, когда уже прижаты к стенке обстоятельствами и объект либо у алтаря, либо на смертном одре (обычно в переносном смысле, но бывает и в прямом).

Как же сказать, что я люблю Тель-Авив, когда есть Москва, с которой у нас долгий запутанный роман, со страстью, горечью и взаимными изменами, и есть недостижимый Иерусалим. Это всё равно что я завела бы нежного весеннего любовника и бегала к нему иногда без обязательств и будущего, без скандалов и борща. Ну да, нам хорошо вместе, но разве это – подлинное? У нас обоих «кто-то есть», а планов на совместное существование, наоборот, нет. Неважно, что у нас бывают эти бесконечные ночи, когда растворяешься в сумерках и в друг друге; наслаждения, о которых даже неловко потом вспомнить, а не только назвать; совпадения мыслей и мнений, так что достаточно просто переглянуться и кивнуть; наше общее тепло всего лишь телесное, и ничего, если я буду плакать, уходя, я ведь быстро перестану. Это, конечно, не любовь.

Москва выпила у меня столько крови, что у нас всё серьёзно. Иерусалим забирает часть души и замещает собой. А тут слишком много сиюминутного счастья без всякой достоивщины и мистики, и потому, уезжая, я буду мяться и мямлить: «Эээ, с тобой хорошо, спасибо, я ещё когда-нибудь приеду, если ты не возражаешь, это было чудесно, ты очень красивый, мне понравилось, удачи, пока-пока!» – и прятать руки, чтобы не обнимать слишком крепко.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.